

С И Б И Р С К И Й
Ф Е Д Е Р А Л Ь Н Ы Й
У Н И В Е Р С И Т Е Т | S I B E R I A N
F E D E R A L
U N I V E R S I T Y

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Сибирский федеральный университет»

660041, Красноярский край,
г. Красноярск, проспект Свободный, д. 79
телефон: (391) 244-82-13, тел./факс: (391) 244-86-25
<http://www.sfu-kras.ru>, e-mail: office@sfu-kras.ru

ОКПО 02067876; ОГРН 1022402137460;
ИНН/КПП 2463011853/246301001

_____ № _____
на № _____ от _____

УТВЕРЖДАЮ:

Проректор по учебной работе
ФГАОУ ВО «Сибирский
федеральный университет»

Денис Сергеевич Гуц

« ____ » _____ 2020 г.

ОТЗЫВ

ведущей организации на диссертацию Афанасовой Елены Николаевны
«Реализация социальной политики Советского государства в области охраны
материнства и детства в 1920–1930-е гг. (по материалам Восточной Сибири)»,
представленную на соискание ученой степени доктора исторических наук
по специальности 07.00.02 – Отечественная история

Представленная Е.Н. Афанасовой диссертация посвящена крайне актуальной теме. Вопросы охраны материнства и детства являются важными в жизни любого общества, так как затрагивают интересы всего населения, в том числе, семейные отношения, воспитание и обучение детей. Охрана материнства и детства всегда была и остается приоритетным направлением государственной политики нашей страны. Уже с первых дней советской власти охрана материнства и детства получила государственный статус. Советским правительством был издан ряд декретов, направленных на улучшение жизни матери и ребенка. Это означало, что вопросы социального обеспечения стали важным звеном государственной политики в области социальной помощи.

Е.Н. Афанасова убедительно обосновала актуальность, научную и практическую значимость исследования, дала анализ существующему состоянию исследования проблемы, а также определила основные научные положения.

Автор проанализировала и обобщила исследования по данной проблематике, демонстрирующие разнообразие подходов к процессу формирования государственно-правовой охране материнства и детства.

Диссертация построена с учетом целей и задач исследования и обеспечивает логическую последовательность в изложении хода и результатов исследования. Структура диссертационной работы логична и полностью подчинена исследуемой проблематике, она состоит из введения, шести глав, заключения, приложений, списка источников и литературы.

Представленная в тексте диссертации историография проблемы достаточно полна, автором верно показаны основные тенденции в исследовании темы. Предпринятое автором изучение в центре и в сибирском регионе архивных материалов, впервые вводимых в научный оборот, придает ей особую ценность. Анализ документальной базы также вполне удовлетворяет требованиям докторской диссертации. Квалифицированно проведена классификация источников, оценена полнота и достоверность их информации, достаточность для решения поставленных в исследовании задач.

Научная новизна представленной диссертации определяется постановкой и решением сформулированных научных задач и заключается в том, что работа является первым комплексным историческим исследованием закономерностей и особенностей формирования и развития государственно-правовой охраны материнства и детства в Восточной Сибири.

Теоретическая значимость представленной диссертации обусловлена отсутствием комплексных историко-правовых исследований по данной тематике, созданных с учетом методологии, сложившейся в современной исторической науке. Представленная работа восполняет существенный пробел в отечественной историографии. Материал, представленный в диссертации, иллюстрирует разработку мероприятий по организации и осуществлению лечебно-профилактической помощи женщинам и детям, позволяет углубить понимание социальных проблем в области материнства и детства, противоречивых способах их разрешения, оценить итоги социальных преобразований по критериям

социальных затрат, широте мер социальной поддержки и их доступности. Сформулированные автором выводы, в определенной степени, развивают и дополняют раздел исторической науки исследуемого периода.

Практическая значимость диссертации заключается в том, что собранные и проанализированные материалы могут представить несомненный интерес для широкого круга ученых. Помимо этого, материалы исследования могут быть использованы преподавателями и студентами вузов в процессе преподавания и изучения истории социальной политики, истории социальной работы в России.

Важным положительным аспектом работы является исследование целостной системы по охране материнства и детства, которая была реализована в указанный период в Восточной Сибири. Обращаясь к историческому опыту развития системы охраны материнства и детства, Е.Н. Афанасова справедливо отмечает: материнство и детство становится особым объектом внимания государства (с. 10), что отражается в становлении советского законодательства. Создание основ системы государственных органов по охране материнства и младенчества в 20-30-е гг. XX в. происходило через призму преобразований трудового законодательства, формирования организационных и правовых условий для установления различных форм социальной защиты детства. Разрабатывались законодательные и организационные принципы построения советской модели защиты материнства и детства: упразднялись старые и создавались новые ведомства, менялись их задачи и возможности.

В диссертации раскрыта структура и особенности управленческой деятельности органов государственного управления в сфере социального обеспечения, здравоохранения и просвещения, специфика межведомственного взаимодействия. Выявлена специфика реализации государственной социальной политики в области материнства и детства в национальных районах, в том числе деятельность медико-консультационных отрядов, проблемы подготовки кадров, организация охраны здоровья детей, деятельность детских и социально-правовых кабинетов (с. 181, 192-194, 201-203, 207, 219, 226, 246-250, 254-262, 274). Подробно описано развитие консультационной помощи женщинам и де-

тям, показана ее динамика, деятельность красных юрт, детских профилактических амбулаторий, молочной кухни (с. 192, 195, 266-271, 275-277).

Следует согласиться с автором в том, что «ключевой характеристикой социальной политики охраны материнства и детства стал ее государственный характер, выразившийся в централизации государственного управления, государственном финансировании и государственном планировании» (с. 169). Также не вызывает сомнения утверждение, что «к концу 1930-х гг. произошло укрепление системы здравоохранения, выразившееся в увеличении числа медицинских учреждений и объема оказываемых услуг» женщинам и несовершеннолетним (с. 279).

Крайне важный вывод автор делает о том, что произошла трансформация деятельности многих учреждений системы охраны детского здоровья – переход от задачи спасения детей от смерти в 1920х гг. к повышению качества жизни детского населения путем расширения профильности оказываемой медицинской помощи в 1930-х гг. (с. 286). Естественным логическим завершением деятельности Советского государства в 1920-1930-х гг. в области охраны материнства и детства становится завершение институционализации системы лечебно-профилактической помощи женщинам и детям (с. 287).

Важнейшей государственной и общественно-педагогической проблемой в 1920-е гг. стала детская беспризорность. Сказались нарушения трудового уклада жизни и деформация быта людей, распад семейных связей, вызванные Первой мировой и последовавшей за ней Гражданской войнами. В стране стала формироваться система предупреждения детской беспризорности, управление которой вверялось Наркомпросу и НКВД. Автором аргументирован и доказан вывод о том, что в 1920–1930-х гг. в Советском государстве, к сожалению, не были до конца созданы механизмы, позволявшие осуществлять профилактическую деятельность по предупреждению детской беспризорности, поскольку, осуществляя активные мероприятия по сдерживанию детской беспризорности государство со своей репрессивной политикой само было источником ее сохранения (с. 430).

Следует в то же время заметить, что расширение институтов поддержки детства шло на фоне ограниченности ресурсов, а это не позволяло в полной мере осуществлять программы по повышению качества жизни детей. Низкий образовательный уровень педагогического персонала также препятствовал успешному осуществлению учебно-воспитательной работы, внедрению новейших достижений педагогической науки. Недостаточное количество педагогического и технического персонала порождало перегруженность имеющихся в детдоме работников, тяжелые условия труда и более низкая по сравнению со школой заработная плата провоцировали кадровый дефицит, снижали качество и эффективность их деятельности.

Ключевой фигурой социальной защиты и здравоохранения были дети, Советская власть, делая первые шаги в экономической и социальной политике, столкнулась с необходимостью быстрых социальных изменений в условиях слабой социально-экономической базы реформ, значительной неграмотности населения, широкого распространения эпидемий холеры, туберкулеза, сифилиса. Поэтому в социальных учреждениях царил крайне неприглядная картина. Своеобразие ситуации заключалось и в том, что все еще продолжала действовать политика «военного коммунизма», в то время как в центре страны уже вступали в силу соответствующие законодательные акты новой экономической политики.

Высокой значимостью обладает авторское изучение патронатного устройства детей и его специфика в разных регионах Восточной Сибири. Во второй половине 1920-х гг. стала практиковаться чистка состава детских учреждений и возвращение детей родителям или родственникам, частный индивидуальный (иногда и групповой) патронат детей сельским населением, передача детских домов на полное содержание или частичное шефство организаций и учреждений. Е.Н. Афанасова убедительно доказывает, что представление о том, что в Советском государстве преобладало устройство несовершеннолетних в государственные учреждения, во многом является необоснованным.

Автор справедливо отмечает, что борьба с детской смертностью в Восточной Сибири составляла единое целое с охраной материнства. В начале 1920-х гг. на снижении рождаемости и здоровье новорожденных отразилось неудовлетворительное питание сельского населения. Для развития лечебно-профилактического направления в деятельности охраны материнства и младенчества первостепенное значение имел принятый декрет Совнаркома 9 марта 1920 г. о передаче дела охраны материнства и младенчества в ведение Наркомздрава. Создавались новые типы медицинских учреждений. К концу 1920-х гг. были проведены мероприятия в области охраны материнства и детства, расширилась сеть родильных домов, значительно вырос процент врачебного родовспоможения, заметно улучшилось профилактическое обслуживание. Несмотря на то, что государство легализовало свободу аборт, искусственное ограничение рождаемости, прерывание беременности сельским населением не одобрялось. В эти годы сознательное планирование деторождения в деревне, в том числе с помощью аборта, только начало развиваться. Обязательная регистрация аборт была введена в 1925 г., в Восточной Сибири же – лишь с 1929 г. и только в городах.

Создание системы охраны материнства и детства проходило путем оказания социальной помощи женщине-матери, контроля за соблюдением законодательных актов, касающихся защиты интересов матери и ребенка, и разработки мероприятий по организации и осуществлению лечебно-профилактической помощи женщинам и детям.

Рассмотрение социальной политики, проводимой в 1920-е годы актуально для понимания специфики периода новой экономической политики, которая способствовала восстановлению экономики страны и, следовательно, стимулировала развитие социальной сферы. Произошел пересмотр самого содержания социального обеспечения, что привело к изменению роли государственных и общественных структур в социальной сфере.

Наряду с несомненными достоинствами диссертации необходимо отметить некоторые недостатки, недоработки и спорные положения.

1. Диссертант не обосновала особенности развития населения в Восточной Сибири в указанных хронологических рамках исследования, а именно меньшую плотность населения, чем в Западной Сибири, РСФСР и СССР в целом, что влияло на социокультурное развитие региона, в том числе на различия внутри самого региона (север, юг, центр, Восток, Запад). Также отдельные территории (например, Забайкалье) были в санитарно-эпидемиологическом отношении не приспособлены для проживания населения (залежи урановых руд, загрязненность источников воды и т.п.).

2. Реализация политики по освоению Восточной Сибири имела особенности в 1920-1930-х гг.: 1) проводимые земельные реформы в Бурятии, Хакасии и на Крайнем Севере были обусловлены национальной политикой в стране, в ходе которой происходил переход кочевого и полукочевого населения на оседлый образ жизни в годы I и III пятилеток; 2) освоение территории новоселами в 1920-1941 гг., в том числе на первом этапе планового добровольного переселения (1925-1930 гг.), спецпереселенцами (1929-1941 гг.) и добровольными переселенцами колхозников из Горьковского края, Воронежской области, Татарской АССР (1935-1951 гг.); 3) промышленное и промысловое освоение районов Крайнего Севера (см. монографии В.И. Федорченко, С.Т. Гайдина и др.).

3. В работе не анализируются особенности проведения в регионе модернизационных процессов (индустриализация, коллективизация, культурная революция) и их влияние на положение женщин и детей и изменение семейно-брачных отношений. В частности, процессы коллективизации в регионе шли на 20% медленнее, чем в центральных районах страны, а численность сельского населения в 1929-1933 гг. сократилась примерно на 450 тыс. чел., или на 20 сельских районов (см. кандидатскую диссертацию М.Д. Северьянова «Партийное руководство переселением крестьян в Восточную Сибирь, 1925 – июнь 1941 гг.», Иркутск, 1980 г.)

4. 6 марта 1920 г. Сибревком отменил видовые различия сельского населения в Сибири, что в дальнейшем повлияло на позицию исследователей, анализировавших сельское население через призму социально-классовой структу-

ры, хотя «батрак», «бедняк», «средняк», «кулак» до сих пор понятийно не определены. В связи с этим выводы исследователей как советского, так и постсоветского периода носят субъективный характер. На наш взгляд работа была бы полнее, если бы автор полнее рассмотрела социальную политику в отношении материнства и детства с точки зрения видовых различий в регионе – старожилов, новоселов, инородцев, казачества.

5. Можно согласиться с автором в том, что она применяет марксистскую методологию анализа социальной политики в отношении материнства и детства. В то же время следует привести вывод американского исследователя Ч. Томаса Филлипса о том, что «тезис о социализации домашнего труда и общественном воспитании детей сближает марксизм с материальными и культурными феминистками. Их роднит равнодушие к судьбе семьи как социального института» (Филлипс Ч., Томас «Феминизм и семья: историко-социологический анализ», 2002). Сочетание марксизма и культурного феминизма позволило бы автору диссертации посмотреть на историю защиты материнства и детства в 1920-1930-х гг. значительно шире, изучив перспективы не только государства и частной собственности, но и семьи – быть ей или не быть в социалистическом и коммунистическом обществе. Диссертант не отразила тот факт, что политика в отношении материнства и детства являлась одной из составных частей феминизма и была направлена на то, чтобы добиться равноправия женщин с мужчинами и освобождения от «рабского домашнего труда».

6. Государственная социальная политика в области материнства и детства, реализуемая в Восточной Сибири в 1920-1930-х гг., была представлена самыми разными направлениями, охватывающими области здравоохранения, просвещения и социального обеспечения. Вместе с тем, автором недостаточно внимания уделено вопросам организации социального воспитания, устройства «дефективных» детей, проблемы защиты «рабочих подростков», контроль за соблюдением правовых норм в отношении несовершеннолетних, предотвращение эксплуатации детей и подростков и жестокого обращения с ними в семье и за ее пределами, специфика санитарно-профилактической работы.

7. Спорным является методологический прием, освещающий государственную социальную политику в области материнства и детства в Восточной Сибири в 1920-1930-х гг. в позитивистской трактовке изложения накопленного автором богатого фактологического материала, который, к сожалению, редко интерпретируется, вследствие чего диссертантом недостаточно полно показан противоречивый процесс решения проблем.

8. Некоторые оценки и суждения носят полярный характер: 1) о невозможности деревенских женщин пользоваться услугами медицинских учреждений на селе, хотя существовали акушерские пункты; 2) о том, что система медицинской помощи детям и женщинам находилась на высоком уровне, но полного охвата ей достичь не удалось; 3) о том, что в национальных районах были преодолены суеверия и предрассудки в отношении акушерок, но беременные женщины обращались за помощью к повивальным бабкам и шаманам; 4) о том, что Постановление Совнаркома СССР «О запрещении аборт...» от 27 июня 1936 г. «нивелировало достигнутые достижения в сфере эффективности детских лечебно-профилактических учреждений», но способствовало развитию акушерско-гинекологической помощи.

9. На наш взгляд, работа могла бы быть выстроена более стройно и логично, если бы диссертант четче определила периоды реализации государственной социальной политики в области материнства и детства в Восточной Сибири в 1920-1930-х гг. Основу этой периодизации могли бы составить: 1) законодательные акты советской власти 1917-1920 гг.; 2) введение Семейного кодекса в 1926 г.; 3) Постановление Совнаркома СССР «О запрещении аборт...» от 27 июня 1936 г. Это позволило бы оценить степень реализованности социальной политики в области материнства и детства в Восточной Сибири на каждом отдельном этапе.

10. Работа не лишена некоторых оформительских погрешностей (название параграфа на последней строке страницы (§ 2.2.), некорректное представление таблицы (табл. 4.6. на с. 281-282, табл. 4.8. на с. 283-284, табл. 5.1. на с. 302-303)

Высказанные замечания не снижают ценности работы. Диссертацию Е.Н. Афанасовой отличают глубина анализа, логичность построения, хороший научный литературный стиль. Работа вносит определенный вклад в изучение истории реализации социальной политики в области охраны материнства и детства в Восточной Сибири и дает хорошую основу для дальнейших исследований освещаемых автором вопросов.

Основное содержание диссертации отражено в 45 публикациях, в том числе в 19 статьях, опубликованных в ведущих рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК, в 2 монографиях, а также других публикациях.

Автореферат отражает основное содержание диссертации. Диссертация соответствует специальности 07.00.02 – Отечественная история. По содержанию, целям, задачам, предмету исследования работа соответствует требованиям п. 9 Положения о порядке присуждения ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, а сама Елена Николаевна Афанасова заслуживает присвоения ей ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Отзыв подготовил доктор исторических наук, доцент ВАК, профессор кафедры истории России Ковалев Александр Сергеевич, специальность 07.00.02 – Отечественная история.

Отзыв обсужден и утвержден на заседании кафедры истории России 03 ноября 2020 г. (протокол №5).

Заведующий кафедрой истории России,

доктор исторических наук,

профессор

Михаил Дмитриевич Северьянов

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет»
660061, Красноярский край, г. Красноярск, проспект Свободный, д. 79
телефон: (391) 246-82-13, тел./факс: (391) 266-86-25
<http://www.sfu-kras.ru>, e-mail: office@sfu-kras.ru

03.11.2020 г.

